

Урбанизация и коренизация как основа политики белорусизации и украинизации

М.И. СТАРОВОЙТОВ

В статье впервые в белорусской историографии на основе значительной части новых архивных источников рассматривается роль урбанизации и коренизации в осуществлении политики белорусизации и украинизации. Автор, выделяя белорусскую специфику, приходит к выводу, что эти процессы в межвоенный период существенно изменили социокультурный облик титульных этносов БССР и УССР, а белорусский город «обелорусить» не удалось.

Ключевые слова: урбанизация, коренизация, белорусизация, украинизация, советская национальная политика.

For the first time in the Belarusian historiography on the basis of new archives this article touches upon the role of urbanization and indigenization in the exercise of belarusization and ukrainization policy. The author, highlighting Belarusian specificity, comes to a conclusion that these processes in the interwar period significantly changed social and cultural image of titled ethnos of the Belarusian SSR and Ukrainian SSR, whereas implying belarusization in a Belarusian town was of no result.

Keywords: urbanization, indigenization, belarusization, ukrainization, soviet national policy.

В исследование белорусизации и украинизации внесен вклад белорусскими, российскими и украинскими историками. Значительные результаты в изучении проблем украинизации достигнуты украинскими исследователями, которые отражены в коллективно подготовленном справочном издании [23] и монографии [26]. Однако обозначенные в заявленной теме аспекты в историографии практически не освещены. В изученных нами работах исследования хронологически не доводятся до конца 1930-х годов. Это, на наш взгляд, не позволило выявить общие тенденции и особенности в проведении политики белорусизации и украинизации. На основе архивных материалов, еще недавно имевших гриф строгой секретности, нами сделаны расчеты и попытка дать адекватную оценку процессам урбанизации и коренизации титульных этносов по результатам, достигнутым к концу межвоенного периода. Для корректности сравнения мы в большей степени обращаем внимание на белорусско-украинский пограничный регион.

На X съезде РКП(б) И.В. Сталин, объясняя белорусские и украинские национальные проблемы, привел примеры, как Рига стала латышским городом, а города Венгрии мадьяризировались. «То же можно сказать, – отмечал он, – о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы» [14, с. 213]. Руководствуясь постановлением и идеями этого съезда, ЦБ КП(б)Б выработало и 5 декабря 1921 г. опубликовало тезисы “Беларускае нацыянальнае пытанне і Камуністычная партыя”. Предполагалось, что с развитием промышленности еврейский пролетариат примет в свои ряды менее энергичного и отсталого белорусского пролетария. “Беларуская вёска пацячэ роўнай, строга размернай эканамічнай ракой у пролетарскі горад, ...з сваімі разуменнямі, бытам і мовай, якой цяпер ніхто ня ставіць, як раней перашкод” [1, с. 43]. Однако задачи, определенные указанными тезисами и другими партийно-советскими документами, решались поспешно и непоследовательно.

Известный белорусский ученый Г. Горецкий несколько поспешно оценил итоги переписи 1926 г. в части белорусизации города. В мае 1929 г. он писал: “Тэндэнцыю да больш шпаркага тэмпу беларусізацыі ў буйных гарадох мы ўжо перажываем фактычна цяпер; мы зьяўляемся нібы сьведкамі ажыццяўленьня гістарычнага праоцтва Сталіна аб няўхільнай

беларусізацыі гарадоў БССР. Аб тых кардынальных зменах, якія будуць адбывацца ў формах і стылю беларускае культуры (цяпер пераважна “вясковае” культуры), дзякуючы ўплыву беларусізаванага і пралетарызаванага беларускага гораду, тут ня варта гаварыць больш, як толькі адзначыць няўхільнасць гэтага працэсу” [11, с. 21].

В рассматриваемый период под воздействием белорусизации и украинизации в БССР и УССР началась активизация социальной мобильности титульных этносов, выходящих на политическую арену и оказывающих возрастающее влияние на общественную жизнь. Это стало началом перехода от сельского общества к городскому обществу, вызванного советской мобилизационной модернизацией. А.С. Сенявский на примере российских горожан показал, что такой переход означает не просто превращение их из абсолютного меньшинства (15% в конце XIX в.) в абсолютное большинство жителей страны (более 70% в начале 1980-х гг.). Он дал этому процессу такое определение: «Переход к городскому обществу – широкий модернизационный процесс, охватывающий качественные изменения широкого комплекса социальных характеристик подавляющей части населения страны, изменения в течение четырех-пяти поколений качества населения, его занятости и образа жизни, менталитета и многого другого» [24, с. 218, 221].

Общую тенденцию роста степени урбанизированности и подготовки национальных кадров можно установить за двенадцатилетний период по данным переписей 1926 и 1939 годов. Так, перепись 1926 г. зафиксировала в белорусских округах следующую степень урбанизированности белорусов: Витебский округ – 9,0%, Гомельский – 12,0%, Калининский – 5,5%, Могилевский – 8,7%, Мозырский – 6,4%, Оршанский – 7,4%, Полоцкий – 5,0% и Речицкий – 5,3%, при средних показателях по БССР (белорусы – 8,3%, все население – 17,0%) [5, с. 24–45], [7, с. 38, 41]. Не было существенной разницы, кроме выделявшегося за счет г. Киева одноименного округа, и в украинских округах пограничья. Белоцерковский округ дал показатель урбанизированности украинцев в 7,1%, Волынский – 13,7%, Глуховский – 8,0%, Киевский – 22,2%, Коростеньский – 5,0%, Неженский – 9,5%, Прилукский – 5,5% и Черниговский – 8,1%. По УССР соответственно – 10,9% и 18,5% [6, с. 27, 29], [7, с. 38, 41].

Мобилизационная индустриализация, которая интенсивно проводилась в районах освоения природных ресурсов и создания оборонных предприятий, в значительно меньшей степени затронула «по стратегическим соображениям» белорусско-украинский пограничный регион, т. к. большая часть его территории входила в пограничную полосу СССР. Это повлияло на развитие городов региона и интенсивность притока в них титульного населения. Если взять за основу 15% рубеж, предложенный А.С. Сенявским, то есть все основания считать, что титульное население региона в конце 1930-х годов только начало включаться в урбанизационный переход. Степень урбанизации белорусов Витебской области достигла по данным переписи 1939 г. 19,4%, Гомельской – 18,2%, Минской – 20,0% (без Минска – 13,8%), Могилевской – 15,8%, Полесской – 7,4%. В целом по БССР 16,9% белорусов и 24,7% всего населения проживало в городах [10, с. 70]. По нашим расчетам, опубликованным ранее, всего населения в городах проживало около 20%.

Удельный вес украинцев-горожан в Житомирской области составил 14,0%, в Киевской – 25,6% (без города Киева – около 12%), в Черниговской – 13,7% (по УССР – 36,2%) [10, с. 68–70]. Если по украинскому пограничному региону и по БССР уровень урбанизированности титульных этносов не имел резкого отличия (за исключением Киевской и Полесской областей), то в УССР, в промышленно развитых областях, они имелись и весьма существенные. В Ворошиловоградской области 59,4% украинцев проживало в городах (65,7% – все население), в Днепропетровской – 46,9% и 53,0%, в Сталинской – 72,9% и 78,1%, в Харьковской – 45,7% и 52,7% [25, л. 18–19]. Это было одной из причин этнокультурной специфики региона, в т. ч. и белорусской его части, которую надо учитывать при рассмотрении изменений в социокультурном облике всего населения в 1920–1930-е годы. Титульные этносы в абсолютном большинстве оставались сельскими жителями, а по образу труда, быта, культуры и менталитету являлись представителями традиционного общества. Это роднило и сбли-

жало белорусов и украинцев, но и существенно сдерживало их социокультурное развитие. В таком единстве исторического развития надо видеть и основы славянской интеграции.

Лозунгово-пропагандистское, административное решение задач белорусизации, с главным упором на изучение и использование белорусского языка, привели белорусизацию, на наш взгляд, не к сворачиванию, а к самотеку. В марте 1933 г. нарком финансов республики А. Хацкевич, бывший председатель Нацкомиссии ЦИК БССР, признал, что по вопросам белорусизации и коренизации мы путались, «много глупостей наговорили, написали..., встречались с игнорированием, формальным отношением к белорусизации, т. к. в целом ряде учреждений перекладывали эту работу на машинисток...» [21, л. 28, 30].

Перемещаясь в города, белорусы оказывались в русскоязычной среде. Нами впервые установлено, что белорусский город не стал белорусскоязычным. В 1939 г. только 45,7% городского населения назвало родным языком белорусский (белорусов в городах – 56,8%), 38,8% – русский (13,3%), 12,9% – еврейский (24,0%), 1,8% – украинский (3,2%), 0,2% – польский (1,3%) [2, л. 12]. Накануне Второй мировой войны две столицы еще не имели абсолютного преобладания титульного этноса в составе их населения. В Минске проживало 59212 мужчин-белорусов и 64849 женщин-белорусок, что составляло 51,9% от всех горожан. Родным белорусский язык назвали 99056 минчан, или 41,5% [20, л. 5]. В Киеве проживало 212130 мужчин и 238426 женщин украинской национальности. Они составляли 53,2% горожан. В городах Киевской области с родным украинским языком было 49,4% населения [17, лл. 6, 46], [18, лл. 296, 310]. По г. Киеву, вероятнее всего (такие данные нами пока не выявлены), этот показатель был ниже. Даже такой краткий анализ подтверждает мнение российских историков Ю.А. Борисенка и А.Л. Шемякина: «...задача обелорусить белорусский город, поставленная Сталиным в 1921 г., так и осталась нереализованной...» [4, с. 82]. Как видим, «няўхільнасць гэтага працэсу» не подтвердилась.

В 1928 г. В.Г. Кнорин тоже приводил примеры урбанизированности, только по другим европейским странам. Он коснулся и ситуации с коренизацией в БССР и отметил «...нацыянальны разрыў паміж горадам і вёскай, калі вёска гаворыць на адной мове, а горад на другой...». Указал он и на то, что «беларускія кадры працаўнікоў на партыйнай і савецкай, прафсаюзнай і іншай рабоце растуць. Аднак у гэтых поспехах беларусізацыі вельмі шмат надворнага і паказнага...» [19, с. 236, 239]. На наш взгляд, рост грамотности и образования белорусов (еще в абсолютном большинстве крестьян) в 1930-е годы положил начало коренному перелому в процессе коренизации, подготовке белорусских кадров – рабочих, служащих, интеллигенции для индустриальных отраслей экономики, сферы обслуживания, здравоохранения, образования и науки. Активизировалась подготовка партийно-советских и хозяйственных национальных кадров.

По данным переписи 1926 г., в республике проживало 80,6% белорусов, 8,2% евреев, 7,7% русских, 2,0% поляков, 1,3% других национальностей. Доля белорусов к началу 1929 г. в административных органах достигла 51,3%, хозяйственных – 30,8%, судебных – 26,3% и земельных – 59,5% [1, с. 14, 19]. В 1939 г. доля белорусов в составе населения БССР увеличилась и составила 82,9%, русских – 6,7%, евреев – 6,6%, украинцев – 1,9%, поляков – 1,1% и 0,8% – прочих [2, л. 12]. В национальном составе кадрового управленческого потенциала наметилась тенденция к росту численности белорусов, хотя имелись и трудности. В мае 1938 г. и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А.А. Волков отметил, что среди 69 секретарей райкомов партии Минской области (вместе с городскими районами) белорусов было 44 (63,8%), в Витебской из 63 – 47 (74,6%), в Гомельской из 45 – 28 (62,2%), в Могилевской из 66 – 47 (71,2%) и в Полесской из 45 – 30 (66,7%). Среди первых секретарей их было 53–54%. Он сказал, что «ставя вопрос о росте кадров за счет белорусов, тут мы удовлетвориться не можем» [13, л. 110]. Есть основание считать, что такая кадровая проблема существовала и в УССР. В 1939 г. в БССР партийные, государственные, кооперативные, общественные учреждения и предприятия возглавляло 63,6% белорусов (в УССР – 59,6% украинцев), общесоюзного, республиканского и областного значения – 41,6% (42,1%), районного и городского – 65,1% (67,8%), среди судей и прокуроров их было по 59,5%, руководителей сельхоз- и промышленных предприятий – 61,9% (60,1%). Сельскохозяйственные занятия имели 96,0% бе-

лорусов и 90,0% украинцев, а только соответственно 46,0% и 53,3% было в составе руководителей отделений и ферм совхозов, цехов, мастерских промпредприятий, отделений транспортных предприятий. Обычные колхозы возглавляли 95,3% белорусов и 88,2% украинцев, а промартели и промколхозы – 30,0% и 42,7% [2, лл. 62, 64], [27, лл. 80,82].

Накануне развертывания индустриализации фабрично-заводских рабочих было большое количество. Так, в БССР их насчитывалось 23114 человек мужчин и 8601 женщина (соответственно 40,0% и 38,0% составляли белорусы), а в украинском Полесье – 12109 и 2912 (57,0% и 52,0% – украинцы). Среди рабочих строителей белорусов было 30,3%, а среди железнодорожников – 68,8%. Соответственно на 5,2% и 15,9% было больше украинцев среди рабочих этих отраслей в украинском Полесье [8, с. 2], [9, с. 154]. В условиях форсированной индустриализации целенаправленная партийно-государственная политика по подготовке национальных рабочих кадров дала заметные результаты. Расчеты показали, что большинство рабочих промышленности и строительстве в 1939 г. составляли уже белорусы и украинцы (оба пола). Особенно это заметно по областям с большой долей титульного этноса в составе населения. Если в Гомельской области на их долю приходилось соответственно 56,7% и 54,5% [3, лл. 47, 58], [12, л. 3], то в Черниговской – 82,3% и 75,7% [28, лл. 122, 134], [27, л. 3]. В Полесской области рабочих белорусов в промышленности было 64,2%, в строительстве – 61,2% [3, лл. 201, 212], [22, л. 3], а в соседней Житомирской области украинцев соответственно 53,9% и 58,1% [16, лл. 122, 134], [15, л. 3].

В наиболее полиэтничных Гомельской и Житомирской областях во многих отраслях промышленности, особенно в тех, где традиционно было занято еврейское население, удельный вес титульного этноса был ниже. Среди строителей и транспортников, бумажников и пищевиков в БССР и пограничных областях УССР в основном преобладали соответственно белорусы и украинцы. По рабочим специальностям высокой квалификации (металлисты) удельный вес титульного этноса в белорусских областях был ниже, в том числе и в Минской, по сравнению с украинскими пограничными областями и Киевской. Последовательная политика коренизации привела к росту численности и доли белорусов и украинцев (немного больше, чем белорусов) в составе научно-педагогической и творческой интеллигенции. Подробнее это рассмотрено в ряде публикаций автора.

В условиях трансформации советской национальной политики целенаправленная партийно-государственная политика белорусизации и украинизации заключалась не только в переводе делопроизводства на язык титульных этносов и изучения их языка партийно-советским и хозяйственным аппаратом. Шел интенсивный процесс, со своими особенностями по регионам, урбанизации и пролетаризации титульных этносов, осуществлялась подготовка национальной интеллигенции. Мы полагаем, что это являлось основой/фундаментом белорусизации и украинизации, т. к. коренным образом меняло социокультурный облик титульных этносов.

Таким образом, мы видим динамику роста национальных кадров как закономерный результат коренизации, а также начало устойчивой тенденции вступления белорусов в урбанизационный переход, переход от традиционного к индустриальному обществу. Осуществление политики белорусизации через урбанизацию белорусского этноса и коренизацию кадров всех уровней и звеньев за счет титульного этноса проходило хотя и медленно, но на протяжении 1920–1930-х годов. Эти процессы, как одни из главных составляющих белорусизации, не прекращались не только в межвоенный период, но и в послевоенный. Белорусский город оставался русскоязычным. В чем-то сходная ситуация была в украинской части белорусско-украинского пограничного региона. Здесь надо говорить об украинской региональной специфике в отличие от всей территории УССР, титульное население которой более активно употребляло в городах украинский язык.

Исторически сложившаяся традиция развития белорусского города как русскоязычного не была изменена в указанный и последующий периоды. Белорус с низким уровнем грамотности и образования, традиционной культурой «переплавлялся» в русскоязычной среде и культуре больших городов БССР. Он сознательно вливался и принимал существовавшую городскую среду и культуру. Это исторические реальности, и с ними надо считаться, соблюдая принцип историзма.

Литература

1. Беларусізацыя 1920-я гг. Дак. і матэр. / склад. У.К. Коршак [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2001.
2. БССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
3. БССР // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 913.
4. Борисенко, Ю. Долой пиджачников! Как товарищ Сталин выучил белорусов их собственному языку на сербский манер / Ю. Борисенко, А. Шемякин // Родина. – 2008. – № 1. – С. 76–82.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. X. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 289 с.
6. Всесоюзный перепись людности 1926 г. – Т. XI. – М. : ЦСУ СРСР, 1928. – 203 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XVII. – М. : ЦСУ СССР, 1929 – 112 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVII. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVIII. – М. : Планхозгиз, 1928. – 304 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М. : Наука, 1992.—256 с.
11. Гарэцкі, Г. Нацыянальны асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. – Мінск, 1929. – 40 с.
12. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
13. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 3. – Оп. 1а. – Д. 4.
14. Десятый съезд РКП(б) : стенограф. отчет. – М. : Политиздат, 1963. – 368 с.
15. Житомирская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
16. Житомирская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 914.
17. Киевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 361.
18. Киевская обл. Киев // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 915.
19. Кнорин, В.Г. Аб рашаючых “дробязях” у вялікім пытанні (Да пытання аб палітыцы беларусізацыі) / В.Г. Кнорин // Избранные статьи и речи ; сост. Н.В. Кузнецов [и др.]. – Минск : Беларусь, 1990. – С. 233 265.
20. Минск // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 378.
21. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 20. – Д. 97.
22. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
23. Політика коренізацыі в радянскай Украіні (1920–1930-і рр.) : навукова-дапоміжны бібліографічны покажчык / упоряд. та авт. вступ. ст. : П. Бондарчук [і інш.]. – К. : Інститут іст. Украіні НАН Украіні, 2003. – 219 с.
24. Сенявский, А.С. «Урбанизационный переход» России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация, результаты / А.С. Сенявский // Россия на рубеже XXI века: оглянься на век минувший / ред. кол. : Ю.А. Поляков [и др.]. – М., 2000. – С. 216–237.
25. УССР // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 256.
26. “Українізація” 1920–1930-х рр.: передумови, здабутки, уроки : колективна монографія / за ред. В.А. Смолія. – К. : Інститут іст. Украіні НАН, 2003. – 392 с.
27. Черниговская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
28. Черниговская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 916.